

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

"Комическое" в философии А. Бергсона: на грани жизни и искусства

Касянчук Оксана Сергеевна

Студент

Киевский Национальный Университет имени Тараса Шевченко, Философский

факультет, Киев, Украина

E-mail: oks16ik@gmail.com

Комическое – одна из наиболее спорных и неопределенных категорий эстетики. Ю.Б. Борев утверждает, что «через историю эстетики проходят утверждения о невозможности определить комическое и непрекращающиеся попытки ... дать его дефиницию» (Borev, 2002, с.81). Одну из таких попыток осуществил французский философ, один из основателей школы интуитивизма Анри Бергсон.

Свое видение комического А. Бергсон изложил в труде «Смех» (*Le Rire*). Философ использует оригинальный метод исследования: как противник линейности, Бергсон отрицает существование единственной общей формулы комического, определяющей комичность каждого частного случая. Взамен он предлагает рассматривать конкретные примеры, множество вариантов, воплощающих комическое, и находит элементы, реально или потенциально присутствующие в каждом примере. Специфика концепции философа состоит еще и в том, что у комического двойственный характер: это не категория чистой эстетики, потому как приносит общественную пользу и исполняет социальную функцию. Благодаря этому комическое балансирует между искусством и собственно жизнью.[1] Для раскрытия двойственного характера комического необходимо определить общественное значения смеха, для чего в свою очередь нужно понять, что и в каких условиях воспринимается человеком как комическое.

Прежде всего, А. Бергсон считает необходимым определить условия, порождающие комическое. Во-первых, не существует комического вне человеческого. Человек может смеяться только с другого человека или человеческой черты, воплощенной в природе, растительной или животном мире. Во-вторых, комическое не будет таковым, если вызовет у наблюдателя сочувствие. Естественная среда смеха – это равнодушие, он обращается к чистому разуму. В-третьих, комическое существует только в пределах определенной социальной группы. Смех нуждается в отклике, это проявление социального соглашения. Поэтому элемент, вызывающий смех в одной социальной группе, не вызовет его в другой. Итак, «комическое возникает, по-видимому, тогда, когда соединенные в группу люди направляют все свое внимание на одного, из своей среды, заглушая в себе чувствительность и давая волю одному только разуму» (Bergson, 1992, с.13). Комическое бессознательно для своего носителя: человек не замечает и не сознает, что в нем вызывает смех, тогда как все остальные замечают некую комическую черту и высмеивают ее. В этом и состоит предназначение смеха – изобличать человеческие пороки и акцентировать на них внимание.

Рассматривая наиболее примитивные примеры ситуаций, вызывающих у людей смех, А. Бергсон отмечает, что у каждой присутствует косность и механистичность движений, выражений, действий. Обыденность, возведенная в автоматизм ради облегчения жизни – вот что является источником комического. Жизнь требует от человека гибкости мышления и поведения, эластичности, непрерывного приспособления к измен-

чивой реальности. В случае неспособности приспособиться, инертности и автоматизма действий человек препятствует своему личностному развитию и развитию общества в целом. Именно косность человека комична, а смех в таком случае играет роль наказания за отсутствие гибкости. Механистичность и косность личности прослеживаются не только на низшем уровне комического – в формах и движениях, но и в ситуациях, речи и даже в личности человека. Это базовая форма комического, сходство и родство с которой делает понятными и смешными множество вариаций комического, не указывающих прямо на механистичность, но отличающихся более сложным строением.

Определяя главные характеристики живого, а имен постоянные изменения внешнего вида, неповторяемость явлений и сформированная индивидуальность, А. Бергсон рассматривает три приёма комического, противопоставляющиеся этим характеристикам: повторение, инверсия и интерференция. Первый – это повторение, заключающееся в сочетании обстоятельств, неоднократно обновляющихся в неизменном виде. Инертность участников ситуации и их нежелание менять модель поведения идут вразрез с непрерывной изменчивостью жизни, и потому высмеиваются обществом. Следующий приём – это инверсия, то есть превращение ситуации в противоположную себе путем изменения роли ее участников. Классическим примером инверсии является «обворованный вор», когда человек создает опасную ситуацию и сама же становится ее жертвой, так как не замечает и не предполагает изменений в ситуации. Последним из приёмов является интерференция, которая предполагает перенос элементов одной ситуации в другую без изменения поведения участников.

Смех призван изобличать проявления косности, механистичности, инертности в человеке и исправлять их ради общего блага. Смех – это ответ общества тем, кто от него отстал. Смех – это не оружие общественной справедливости, и творить добро не является его целью. С помощью комического и путем унижения и запугивания наказывают не всех виновных, а иногда и невиновных. Справедливость может присутствовать на всеобщем уровне, но не в отдельных случаях. Смех – это зло, что природа использует ради блага. [1]

Таким образом, общественное значение смеха – это усовершенствование общества, лишение его членов косности относительно изменчивой жизни. В комическом противопоставляются не «прекрасное» и «безобразное», а «совершенное» и «несовершенное». Осуществляя социальную функцию исправления с целью достижения общего блага, комическое выходит за пределы исключительно эстетической категории, потому что истинное искусство бескорыстно. Комическое же не только существует в среде общественной жизни, но и служит ей; а истинное искусство, с точки зрения А. Бергсона, является возвращением к первоначальной природе. Но в то же время смех близок к искусству, потому что для достижения и воплощения комического человек рассматривает себе подобных как произведения искусства.

Двойственный характер смеха и комического в концепции А. Бергсона также наблюдается в присутствии в комическом определенной доли разочарования и горечи. Если человек попытается отследить причину, последствия и условия вызывающие его смех, осознает отсутствие эмпатии к объекту смеха, свою надменную отстраненность, то в сердце этого человека будут преобладать пессимистичные настроения относительно смеха, его субъектов и объектов. Французский философ завершает свой труд утонченным и точным сравнением смеха с морской пеной, состоящей прежде всего из соли.

«Он [смех] искрится, как пена. Он — веселье. Философ, который собирает его, чтобы испробовать, найдет в нем иногда, и притом в небольшом его количестве, некоторую дозу горечи» (Bergson, 1992, с.123).

Литература

1. Бергсон А. Смех. М.: Искусство, 1992.
2. Борев Ю.Б. Эстетика: Учебник. М.: Высшая школа, 2002.